
ЧЕРНОВОДЬЕ
Lika Nero

Lika Nero

Черноводье

«Автор»
2026

Nero L.

Черноводье / L. Nero — «Автор», 2026

В глухом посёлке Черноводье люди не любят говорить о Мёртвом озере. Здесь знают: некоторые тайны лучше оставлять на дне, а тех, кто пропал у воды, уже не вернуть.Журналистка Виолетта Корсакова приезжает в заброшенный санаторий «Белый лебедь», чтобы расследовать череду загадочных исчезновений. Местные жители молчат, старые стены хранят чужие секреты, а единственный человек, готовый помочь ей, — учёный Данила Чернов, чья репутация давно разрушена.Чем ближе Виолетта подбирается к разгадке, тем отчётливее понимает: исчезновения связаны не просто с озером. За туманом скрывается нечто, что знает о людях слишком много. Оно помнит их поступки, слышит их страхи и умеет находить самое больное место.А потом из темноты раздаётся шёпот: «Ты ведь тоже виновата». Чтобы раскрыть тайну Черноводья, Виолетте придётся столкнуться не только с тем, что прячется в глубине, но и с тем, от чего она сама пыталась убежать.

© Nero L., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: «Призрачный репортаж» 5
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Lika Nero
Черноводье

Глава 1: «Призрачный репортаж»

Холодный осенний дождь, не прекращавшийся с самого утра, яростно хлестал по запотевшим стеклам такси, за которыми простирался унылый пейзаж – размытая акварель из серого неба, бесконечного леса и раскисшей от влаги земли. Прижавшись лбом к холодному стеклу, Виолетта Корсакова безучастно наблюдала за мелькавшими за окном чахлыми соснами, чьи темные силуэты напоминали бесчисленные иглы, воткнутые в бледное тело небес. Устало скрыв зевок в ладони, она наконец нарушила тягучую тишину, не отрывая взгляда от угнетающей полосы леса. – Приблизительно сколько ещё осталось ехать?

Таксист, потный мужчина с пальцами, пожелтевшими от многолетнего соседства с никотином, хрипло рассмеялся, бросив на неё оценивающий и неприятный взгляд через зеркало заднего вида. – До черноводья? Если эту размытую глиной дорогу вообще можно так назвать, минут сорок, не меньше. А вам, барышня, чего в таких гиблых местах надобится? Места тут, скажу я вам, нехорошие, не для курортников.

Скептически усмехнувшись, Виолетта достала из сумочки сигарету, чувствуя, как её раздражает его настойчивый тон. – Обычная пиар-акция. «Посетите наш чудесный санаторий и зарядитесь уникальной болотной энергетикой». – Она намеренно говорила легкомысленно, стараясь скрыть настоящую причину своего визита – журналистское расследование серии загадочных исчезновений.

Лицо водителя внезапно помрачнело, и его голос стал серьёзным, почти наставительным. – Зря вы так шутите. Места тут и впрямь нездоровые, люди пропадают. Говорят, болотная невеста по ночам бродит.

С наслаждением затянувшись и выпустив струйку дыма в прокуренный салон, Виолетта парировала с деланной небрежностью: – Именно поэтому я сюда и еду. Исчезновения – моя профессиональная специализация.

Спустя два часа, преодолевая ухабы размытой дороги, такси наконец вывезло её к месту назначения. Санаторий «Белый Лебедь», вопреки своему поэтичному названию, оказался мрачным трёхэтажным зданием с облупившейся грязно-серой штукатуркой и пустыми глазницами окон, нависавшими над заросшим двором. Стоя перед входом и чувствуя, как ледяной ветер пробирается под воротник пальто, Виолетта с презрением пробормотала про себя, намеренно громко хрустя гравием под каблуками: – Ну и дыра…

Внезапно за её спиной раздался отчётливый скрип, и она резко обернулась, инстинктивно сжимая в кармане ключи, готовые превратиться в оружие.

На крыльце, в тени от козырька, стоял высокий мужчина в потертом свитере, с небритым подбородком и глазами холодными, как болотная вода, в которых читалось немое презрение. – Корсакова? – Его голос был низким, с заметной хрипотцой, будто его владелец давно разучился разговаривать с людьми.

Пытаясь сохранить маску равнодушия, Виолетта парировала: – Допустим. А вы, надо полагать, мой гостеприимный хозяин?

Сделав шаг вперед, он вынудил её невольно отступить; от него пахло сыростью, дешёвым кофе и чем-то ещё – едким, химическим. – Тогда вам определённо не повезло. – Почти не глядя, он бросил ей под ноги связку старомодных ключей. – Ваш номер – тринадцатый, на втором этаже. Постарайтесь не шуметь по ночам. Легко возбудимые соседи. – Он иронично кивнул в сторону тёмного леса.

Хмурясь от его манер, Виолетта резко спросила:

– А с каких пор хозяева заставляют гостей подбирать ключи с полу? И на каком основании вы вообще раздаете мне указания?

Уголок его рта дрогнул в подобии улыбки, лишённой всякой теплоты.

Уголок его рта дрогнул в подобии улыбки, лишённой всякой теплоты. – Данила Чернов. Тот самый «лжеученый», карьеру которого вы так старательно похоронили в своей желтой газетенке, даже не удосужившись встретиться и выслушать мою сторону.

Её сердце неприятно и тяжело сжалось от осознания встречи с главным объектом её прошлой разгромной статьи. Вот чёрт, – промелькнуло в голове. Пытаясь сохранить лицо, она язвительно улыбнулась: – О, значит, вы здесь… что, призраков изучаете?

Чернов внезапно наклонился так близко, что она почувствовала его прерывистое дыхание на своей щеке, и тихо, почти по-свойски, прошипел: – Нет. Я изучаю, как такие, как вы, циничные неверующие, начинают дрожать от страха и верить в то, во что сами же и высмеивали.

Не дав ей опомниться, он резко развернулся и ушёл в здание, оставив её одну под нависающими стенами санатория, в которых, казалось, затаилась многовековая тоска.

Номер, пахнущий пылью, сыростью и старостью, оказался крошечным: промозглые, отсыревшие стены, скрипучая кровать, издававшая звук при малейшем движении, и продавленное кресло с вылезшей из подлокотника пружиной. Бросив сумку на протёртое одеяло, Виолетта первым делом прошлась по комнате, проверяя, что здесь хоть что-то работает. Кран натужно загудел и выплюнул ржавую воду, прежде чем потечь нормально. Радиатор под окном был чуть тёплым – не горячим, а именно чуть тёплым, словно здание само нехотя отдавало остатки тепла. Над кроватью висела картина в тяжёлой раме – тёмный пейзаж с озером и одинокой ивой, – и Виолетта машинально отметила, что стекло под слоем пыли покрыто мелкими трещинами, как паутиной.

Она достала из сумки ноутбук, блокнот, диктофон и разложила всё на шатком столике у окна, пытаясь создать островок привычного порядка в этом чужом, пропахшем затхлостью месте. За стеклом клубился непроглядный молочно-белый туман, медленно ползущий от болота, и в его пелене не было видно ни зги – только смутные, размытые силуэты сосен.

Виолетта включила ноутбук, но интернет не поймался – ни вай-фая, ни мобильной сети, только значок с перечёркнутой антенной. Она вздохнула, записала в блокнот: «Связи нет. Уточнить у администрации». Потом достала из сумки пачку сигарет, вспомнила, что в номере курить наверняка нельзя, и с досадой убрала обратно.

Спустившись в холл, она застала за стойкой немолодую женщину с усталым лицом и очками на цепочке – та заполняла какие-то бумаги, близоруко склонившись над столом.

– Простите, – Виолетта постаралась улыбнуться как можно приветливее. – Я в тринадцатом номере. Корсакова. У меня интернет не ловит.

Женщина подняла на неё глаза, и в них промелькнуло что-то странное – то ли жалость, то ли настороженность, – прежде чем она натянуто улыбнулась в ответ:

– У нас тут со связью плохо, милая. Лес, болото. Проводной телефон на стойке – если что срочное, можно позвонить. А так… – она развела руками. – Привыкайте. Отдыхайте, гуляйте. Воздух у нас знаете какой целебный.

– Целебный, – эхом повторила Виолетта, вспомнив запах тины, которым тянуло от озера. – А давно у вас тут… санаторий?

– Давно, – женщина снова склонилась над бумагами, явно не желая продолжать разговор. – С сорок восьмого года. Раньше тут дом отдыха был, потом санаторий сделали. Только народу всё меньше, – она вздохнула. – Времена не те.

– А люди? – Виолетта не собиралась отступать. – Много сейчас отдыхающих?

– Да сколько… – женщина замялась, перебирая бумаги. – Человек десять наберётся. Может, меньше. Кто приезжает – тот в основном тихий, лечится, гуляет. Вы бы тоже гуляли побольше. И к озеру близко не подходили, – добавила она вдруг, и голос её стал жёстче. – Там берег зыбкий, того и гляди провалишься. Таблички мы, конечно, поставили, но вы, городские, разве ж таблички читаете.

– А что, были случаи? – Виолетта подалась вперёд, и блокнот в её руке сам собой раскрылся.

Женщина посмотрела на неё долгим, оценивающим взглядом, будто решая, стоит ли говорить. Потом покачала головой:

– Не было никаких случаев. Я вам как женщина говорю: не ходите к озеру, и всё тут. – И, помолчав, добавила тише, почти неслышно: – А то ведь оно, озеро-то, оно завсегда кого-нибудь ждёт.

В столовой, куда Виолетта зашла ближе к ужину, пахло варёной картошкой, подгоревшим маслом и хлоркой. Помещение было большим и полупустым: за длинными столами с клеёнкой сидели трое – пожилой мужчина в вязаной жилетке, который медленно, сосредоточенно жевал, глядя в тарелку, женщина лет пятидесяти с усталым лицом и книгой в руках, и парень неопределённого возраста в очках, что-то чертивший в блокноте.

Виолетта взяла поднос с серой, безвкусно пахнущей котлетой, гречкой и компотом из сушёных яблок и села за свободный стол у окна. Но далеко сидеть не пришлось – женщина с книгой, завидев новое лицо, тут же поднялась и подсела к ней, держа свою тарелку наперевес.

– Вы новенькая, да? – она улыбнулась широко и просто, и в этой улыбке не было ни капли настороженности. – Я Валентина. Второй раз тут отдыхаю. Муж настоял, говорит, сердце надо подлечить. А мне кажется, это он меня подлечить хочет, чтоб дома под ногами не путалась, – она рассмеялась собственной шутке. – А вы?

– Виолетта, – представилась она, решив пока не распространяться о причинах визита. – Первый раз здесь. Приехала… отдохнуть.

– Отдохнуть! – Валентина понимающе кивнула. – Это правильно. Только вы особо не расслабляйтесь. Тут, знаете, место такое… – она понизила голос и оглянулась. – Странное.

– В смысле? – Виолетта отложила вилку.

– Да в прямом, – Валентина пожала плечами. – Я в прошлый раз приезжала, так у нас мужчина один пропал. Николай Семёнович, из Саратова. Тихий такой, вежливый, всё про рыбалку рассказывал. А потом раз – и нет его. Утром не пришёл на завтрак. И вещи в номере на месте, и куртка, и удочки. Только его самого нет. – Она перекрестилась. – Искали, конечно. Милицию вызывали. А что милиция? Говорят, уехал, не попрощавшись. Только куда уехал, если вещи на месте?

– И что потом? – Виолетта старалась дышать ровно, но сердце уже стучало быстрее.

– А ничего, – Валентина развела руками. – Так и не нашли. А через полгода – я уже дома была – мне знакомая здешняя написала, что ещё один пропал. Женщина. Из Воронежа. Тоже вот так – вещи на месте, а её нет. И знаете, что странно? – она наклонилась ближе, почти шёпотом. – Обе эти женщины, и Николай Семёнович, – они все перед тем, как пропасть, к озеру ходили. Каждое утро. Как на работу.

Виолетта почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она машинально достала блокнот, но Валентина вдруг напряглась:

– А вы… вы почему про это спрашиваете? Вы никак из газеты?

– Нет, что вы, – Виолетта выдавила улыбку. – Просто интересно. Я вообще-то журналист, но сейчас в отпуске. Профессиональное любопытство, извините.

– А, – Валентина заметно расслабилась. – Ну и правильно. А то я думаю, чего это вы всё записываете. Журналисты они же… – она неопределённо махнула рукой. – В общем, вы это, к

озеру не ходите. И вещи в номере не оставляйте без присмотра. Тут горничная, Зинаида, она хорошая, но всё равно. Мало ли.

После ужина Виолетта прошлась по коридорам санатория. Здание жило тихой, вялой жизнью: где-то за стеной бормотал телевизор, кто-то кашлял, скрипели половицы под неторопливыми шагами. На втором этаже она столкнулась с тем самым парнем в очках – он стоял у окна и смотрел на улицу, и в его отражении на тёмном стекле Виолетта увидела, как он улыбается чему-то своему.

– Добрый вечер, – сказала она, проходя мимо.

– Ага, – он кивнул, не оборачиваясь. – Вечер добрый.

Она уже почти дошла до своей двери, когда он вдруг окликнул её:

– Эй. Вы же в тринадцатом?

Виолетта обернулась:

– Да. А что?

Парень помолчал, потом пожал плечами:

– Ничего. Просто… – он поправил очки. – Если ночью что-то услышите – не открывайте. Ладно?

– Что услышу?

Но он уже отвернулся к окну и больше не сказал ни слова.

Вернувшись в номер, Виолетта первым делом проверила замок на двери – дважды, потом ещё раз, для верности. Задвижка была старая, расшатанная, но держалась. Она подперла дверь стулом – не потому, что верила в призраков, а потому что не верила людям, – и только после этого позволила себе выдохнуть.

В комнате было холодно. Радиатор под окном едва тёплый, а из щелей в оконной раме тянуло сквозняком, от которого занавеска едва заметно шевелилась, хотя форточка была закрыта. Виолетта поёжилась, достала из сумки тёплый свитер и натянула его поверх пижамы, чувствуя себя немного нелепо – взрослая женщина, журналист, подпирает дверь стулом и кутается, как испуганный ребёнок.

Она включила настольную лампу – тусклую, с пожелтевшим абажуром, – и свет выхватил из темноты привычные уже предметы: продавленное кресло, шаткий столик с ноутбуком, картину с озером над кроватью. Виолетта села на край кровати, пружины жалобно скрипнули, и принялась листать блокнот, перечитывая записанное за день. «Связи нет. Уточнить у администрации». «Санаторий с 1948 года, раньше – дом отдыха». «Пропавшие: Николай Семёнович (Саратов), женщина из Воронежа. Оба ходили к озеру каждое утро». «Парень в очках: "Не открывайте, если услышите"». Она обвела последнюю строчку кружком и подчеркнула дважды.

Потом достала диктофон, нажала запись и тихо, почти шёпотом, чтобы не разбудить соседей за стеной, проговорила:

– День первый. Санаторий «Белый Лебедь». Официальная версия – десять отдыхающих, на деле – меньше. Персонал уклончив. Постоялица Валентина упомянула как минимум двух пропавших за последние полгода, оба перед исчезновением регулярно ходили к озеру. Администратор отрицает «случаи», но предупреждает не подходить к воде. Парень в очках – имя не назвал – предупредил о ночных звуках. В номере тринадцать – сырость, сквозняк, замок ненадёжный. Пока ничего сверхъестественного. Только люди, которые боятся говорить.

Она выключила диктофон и отложила его в сторону. За окном туман стал ещё гуще, и в его белой пелене угадывались смутные, размытые очертания – то ли деревья, то ли что-то ещё. Виолетта задернула штору, но неплотно – оставила узкую щель, чтобы видеть, что происходит снаружи. Сама не смогла бы объяснить, зачем ей это.

Потом умылась в ванной, где вода из крана шла ржавая и пахла железом, почистила зубы и забралась под одеяло, не снимая свитера. Одеяло было тяжёлым, шерстяным, с запахом наф-

талина, и пахло так, будто его достали с дальней полки и не проветрили. Виолетта повернулась, устраиваясь, подоткнула подушку – плоскую, с комками наполнителя, – и уставилась в потолок, где в свете уличного фонаря плясали смутные тени.

Сон не шёл. В голове крутились обрывки дневных разговоров, лица, слова. Валентина с её историей про Николая Семёновича, у которого остались удочки. Администраторша с её «оно завсегда кого-нибудь ждёт». Парень в очках, который так и не назвал своё имя и так и не объяснил, что именно она может услышать ночью. И Чернов – с его холодными глазами и фразой про «научный полигон», брошенной с такой уверенностью, будто он знал что-то, чего не знала она.

Виолетта перевернулась на бок, потом на другой. За стеной кто-то кашлял – глухо, надсадно, – и этот звук, обычный, человеческий, немного успокаивал. В конце концов, она просто устала. Дорога, переезд, весь этот день в незнакомом месте, где каждый взгляд кажется оценивающим, а каждый разговор – с двойным дном. Усталость взяла своё, и она почувствовала, как тело тяжелеет, а мысли начинают путаться, расползаться, терять чёткость.

Последняя мысль, которая мелькнула у неё в голове, прежде чем она провалилась в сон, была простой и почти успокаивающей: «Завтра. Завтра я всё выясню. Начну с озера».

Она не заметила, как шторы на окне сами собой колыхнулись – едва-едва, будто от сквозняка, – и как в щели между ними на секунду мелькнул бледный силуэт. Не заметила, как на тумбочке у кровати диктофон, выключенный, вдруг тихо щёлкнул и загорелся красным глазком записи. Не заметила, как в комнате стало холоднее – настолько холоднее, что изо рта пошёл пар, а на стекле изнутри проступил влажный след, будто кто-то прижался к нему ладонью.

Она просто спала. И впервые за долгое время ей снилось что-то спокойное – летний день, река, смех где-то вдалеке. А потом этот смех превратился в плач. Женский. Тонкий, надрывный, доносящийся откуда-то из глубины, из-под воды.

Виолетта проснулась посреди ночи от навязчивого и отчётливого звука царапанья – будто кто-то снаружи скребётся длинными ногтями в деревянную дверь, пытаясь до неё добраться.

Она замерла в полной тишине, прислушиваясь к собственному стучащему сердцу. Комната была погружена в темноту, только за окном всё так же клубился молочно-белый туман, и в его призрачном свете предметы казались чужими и незнакомыми.

– Кто там? – дрогнувшим голосом окликнула она.

В ответ наступила гнетущая тишина, которая вскоре была нарушена едва слышным, идущим будто из-под двери шёпотом, от которого кровь стыла в жилах:

– Ты ведь тоже виновата…

Вскочив с кровати и схватив со стола перочинный нож, она подбежала к двери, которая, к её облегчению, всё ещё была заперта. Но на полу, прямо перед деревянным порогом, растеклась лужа тёмной, почти чёрной воды, от которой тянуло запахом гнили и тины. И от этой лужи вглубь тёмного коридора вели чёткие следы босых ног, ещё мокрые и отчётливые, будто кто-то только что вышел из её комнаты.

Виолетта присела на корточки, вглядываясь в следы. Они были маленькими – женскими. И, что самое страшное, они начинались не от двери, а от её кровати. Она медленно обернулась, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом. На смятых простынях, там, где она только что спала, темнело влажное пятно, повторяющее очертания человеческого тела. Кто-то лежал рядом с ней. Всю ночь.

До утра Виолетта просидела в кресле у окна, не выпуская нож из рук и вслушиваясь в каждый шорох. Туман за стеклом медленно, вязко шевелился, и один раз ей показалось, что в его глубине мелькнул бледный силуэт – женский, в длинном платье. Но когда она приникла к стеклу, там уже ничего не было. Только туман. Только бесконечный, молочно-белый туман.

Утром, с тёмными тенями под глазами, Виолетта спустилась в полупустую столовую, где за единственным занятым столом сидел Чернов, не глядя на неё и медленно потягивая густой кофе. Она хотела пройти мимо, но ноги сами понесли её к его столу – ей нужно было понять, что происходит, и он был единственным, кто, казалось, знал хоть что-то.

– Приснился плохой сон? – спросил он, не поднимая глаз от своей кружки.

Она сжала свою кружку так сильно, что костяшки пальцев побелели, а в глазах вспыхнул гнев:

– Вы что, подслушивали под дверью?

Наконец подняв на неё холодный взгляд, он покачал головой:

– Нет. Просто все, кто спит в тринадцатом номере, по какой-то необъяснимой причине видят одно и то же. Добро пожаловать в Черноводье, Корсакова. Добро пожаловать в мой научный полигон.

Он отодвинул стул и встал, собираясь уходить, но Виолетта схватила его за рукав:

– Подождите. – Она сама не ожидала от себя этого жеста. – Что вы знаете о тех, кто пропал? Семеро за три года. Это ведь не совпадение.

Чернов замер. Медленно, очень медленно он повернулся к ней, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на удивление – и настороженность.

– Семеро, – повторил он тихо, почти шёпотом. – Откуда вы знаете про семерых?

– Я умею считать, – огрызнулась она. – И умею читать архивы. В отличие от некоторых, я не верю в сказки про болотных невест. Я верю в людей. И в то, что за каждым исчезновением стоит конкретный человек с конкретным мотивом.

Чернов долго смотрел на неё, словно взвешивая что-то про себя. Потом сел обратно, жестом указав ей на стул напротив:

– Сядьте. И слушайте внимательно, потому что я скажу это только один раз. Вы ищете человека? – Он наклонился вперёд. – А что, если я скажу вам, что люди здесь пропадают не потому, что кто-то их убивает. А потому, что они сами уходят. Уходят в воду. Добровольно. И делают это те, кому есть что скрывать.

– То есть вы хотите сказать…

– Я хочу сказать, что ваша теория про «конкретного человека с конкретным мотивом» верна лишь наполовину. Мотив есть. Только он не у одного человека. Он у целого места. И это место умеет ждать.

Он откинулся на спинку стула и замолчал, давая ей переварить сказанное. Виолетта смотрела на него, пытаясь понять, где заканчивается правда и начинается его личная одержимость, которую она сама же когда-то высмеяла в своей статье. У неё всё ещё дрожали руки после бессонной ночи, и она держала кружку с кофе обеими ладонями, чтобы это было незаметно.

– Хорошо, – медленно произнесла она. – Допустим. Но у меня есть встречный вопрос. Почему вы мне это рассказываете? Год назад вы бы с удовольствием меня утопили в этом самом озере.

Чернов усмехнулся – впервые за всё время без холода, почти устало:

– Потому что вы – единственная, кто приехал сюда не молиться на «целебную энергетику» и не лечить нервы. Вы задаёте вопросы. И, судя по вашему блокноту, уже что-то раскопали. – Он кивнул на её записи. – Мне нужен человек, который умеет копать. И у которого хватит упрямства не сбежать после первой же ночи.

– А если я сбегу?

– Тогда я хотя бы буду знать, что был прав насчёт вас.

Он встал и, не прощаясь, направился к выходу из столовой. У двери обернулся:

– Сегодня в два часа дня. Лаборатория – хижина на сваях у восточного края болота. Дорогу найдёте, тут все дороги ведут к озеру. И наденьте что-нибудь непромокаемое.

До двух часов оставалось ещё много времени, и Виолетта решила потратить его с толком – не на пустые расспросы, а на наблюдение. Ночное происшествие не шло из головы: мокрые следы, пятно на простынях, шёпот из-под двери. Она гнала от себя мысль о том, что это могло быть реальностью, и цеплялась за рациональные объяснения – сквозняк, конденсат, старые трубы, разыгравшееся воображение. Но руки всё равно дрожали, когда она переодевалась.

Она вышла на улицу. День был серый, но сухой, и это уже казалось удачей. За главным корпусом обнаружилась старая, заросшая травой площадка с качелями – ржавыми, скрипящими, но, судя по протоптанной дорожке, всё ещё используемыми. На скамейке у веранды сидел тот самый пожилой мужчина в вязаной жилетке, что вчера ужинал в одиночестве, и кормил голубей, хотя голубей не было видно – он просто бросал крошки на землю и смотрел, как они падают.

– Доброе утро, – сказала Виолетта, присаживаясь на край скамейки.

– Доброе, коли не шутишь, – отозвался он, не поднимая глаз.

– Вы давно здесь отдыхаете?

– Давно, – он бросил ещё горсть крошек. – Третий год подряд. Жена моя здесь лечилась. Сердце. – Он помолчал. – Померла она. А я всё езжу. Привык.

– Соболезную, – тихо сказала Виолетта.

– Чего уж, – он пожал плечами. – Тут спокойно. Тихо. Только вот… – он вдруг запнулся и покосился на неё. – Вы ведь в тринадцатом живёте?

– Да.

Старик поджал губы и долго молчал, прежде чем заговорить снова:

– В прошлом году там женщина жила. Из Воронежа. Хорошая такая, тихая. Всё по утрам к озеру ходила. Говорила, вода целебная, пьёт по стакану. – Он усмехнулся. – Ну и допилась.

– Что с ней случилось?

– А ничего, – старик бросил последнюю горсть крошек и отряхнул руки. – Ушла. Ночью. Вещи оставила, деньги в тумбочке, паспорт. Только её и видели. – Он посмотрел на Виолетту внимательно, почти строго. – Вы это, милая. К озеру не ходите. И ночью дверь запирайте. Тут двери-то… – он махнул рукой. – Тут двери не всегда помогают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.